

The article treats the Old Babylonian documents found in one of the residential areas of the city of Ur (CLW on the archaeological maps). These North Eastern suburbs of the city were possibly inhabited at the end of the 20th c. BC mostly by the new-comers who came to South Mesopotamia with the Amorite kings (the family of Adadgugal). This family groups probably owned considerable resources and could spend large amounts of silver bying urban real estate and gardens.

© 2000 г.

Б.А. Литвинский

БАКТРИЙСКИЙ ХРАМ ОКСА И ВОСТОЧНОИРАНСКИЙ ЭЛЛИНИЗМ. ПРОБЛЕМЫ И ГИПОТЕЗЫ

Храм Окса открыт и раскопан в 1976–1991 гг. Южнотаджикостанской археологической экспедицией АН Республики Таджикистан и Института востоковедения РАН (начальник экспедиции – Б.А. Литвинский, руководитель отряда – И.Р. Пичикян). Храм находится в Кобадинском районе Республики Таджикистан, на границе с Афганистаном, в том месте, где река Вахш впадает в реку Пяндж, образуя Амударью – одну из крупнейших рек Средней Азии. Ход раскопок, описание храма и отдельных находок неоднократно освещались в печати, в том числе и на страницах ВДИ, поэтому нет необходимости вновь останавливаться на этом еще раз; сошлюсь лишь на одну из последних публикаций¹.

Подготовка полной публикации результатов раскопок показала, что для этого понадобятся четыре тома. Черновой вариант значительной части I тома «Эллинистический храм Окса в Бактрии. Южный Таджикистан. Раскопки. Архитектура. Культы и ритуал» был подготовлен совместно И.Р. Пичикяном и мною, а после смерти И.Р. Пичикяна материалы тома в значительной части я переработал. Сейчас этот том находится в печати и выйдет в свет в первой половине 2000 г. Завершен II том, посвященный бактрийскому вооружению в греческом и передневносточном контексте. В процессе подготовки находятся следующие два тома: в одном исследуются памятники искусства и музыкальной культуры, а в другом – материальная культура и керамика.

В процессе осмысления результатов раскопок были выявлены многие сложные и дискуссионные проблемы (по которым, кстати, точки зрения соавторов нередко расходились), а также отдельные промахи, допущенные в процессе раскопок. В этой статье я попытаюсь осветить несколько таких проблем. Отмечу также, что в дискуссии по ряду проблем участвуют западные ученые. Среди них – крупнейший специалист по восточному эллинизму, руководитель раскопок Ай-Ханум академик П. Бернар. Его замечания и соображения всегда являются важными и стимулирующими, даже если автор этой статьи не вполне согласен с ними.

---

¹ *Litvinsky B.A., Pichikian I.R. The Hellenistic Architecture and Art of the Temple of the Oxus // The Archeology and Art of Central Asia Studies from the Former Soviet Union / Ed. B.A. Litvinsky, C.A. Bromberg. Michigan, 1996.*

Многолетние раскопки позволили вскрыть практически всю территорию храма, включая теменос. Казалось бы, что при этих обстоятельствах должно было бы быть получено достаточное количество материалов для однозначного ответа на вопрос о времени сооружения храма. Однако здесь существуют значительные сложности. Чисто археологические факты сводятся к тому, что в глиняном тесте кирпичных швов были найдены фрагменты керамики ахеменидского времени (наблюдения участника раскопок А. Дружининой), которые могли попасть в раствор скорее всего в постахеменидское время.

Обратимся к архитектуре храма. Его архитектурно-композиционная схема – плод длительной архитектурной эволюции, берущей начало во II тыс. до н.э.² и продолжавшей в разных вариантах существовать вплоть до раннего средневековья. Аналогичные сооружения – храмы огня в Сузах, Персеполе и нижний храм в Кухи-Хваджа³ – датируются ахеменидским временем, но есть и более поздние аналоги.

Храм выстроен из квадратного сырцового кирпича размером 50–52х50–52х14–16 см. Такой кирпич в Восточном Иране применялся в постройках первой фазы Дахани-Гуламан⁴. Изредка такой формат кирпича встречается в Бактрии (Дильберджин, Калаи-Кафирниган) и в Парфии (Гарры-Кяриз). На южнохорезмийском памятнике Елхарас он зафиксирован в кладках IV в. до н.э. В Ай-Ханум использовался также квадратный кирпич, но более мелкого формата⁵. Анализ размера кирпичей не дает точной даты, такие кирпичи могли применяться в V–III вв. до н.э.

Колонны храма Окса имели двухступенчатый постамент и съёмный тор. Наиболее близкие аналогии они обнаруживают как в базах колонн Персеполя, так и в сравнительно небольших базах нецарских построек в окрестностях Персеполя, которые близки базам храма Окса и по размерам, и по пропорциям⁶.

Наиболее точно может быть датирована найденная при раскопках храма ионическая капитель. Близкую аналогию она находит в архитектурных деталях храма Афины в Приене, причем здесь следует иметь в виду, что в строительстве этого храма было два периода (или фазы). Этот вопрос детально освещен в литературе, как в общих трудах по греческой архитектуре, так и в специальных работах Г. Шрадера, М. Шеде, Г. Дрерупа, Г. Кляйнера, В. Кёнигса и особенно Д. Картера⁷. Последний показал, что хронологический разрыв между фазами невелик: первая фаза строительства закончилась до 323 г. (дата смерти Александра), вторая – датируется 90-ми годами III в. до н.э. Капитель из храма Окса находит аналогии среди греческих капителей IV–III вв. до н.э., прежде всего среди малоазийских капителей⁸.

И.Р. Пичикян считал, что капитель должна относиться ко времени Александра Македонского. Детальный анализ орнаментики капители⁹ позволил мне, вслед за П. Бернардом, прийти к заключению, что капитель храма Окса должна датироваться

² Литвинский Б.А. К генезису архитектурно-планировочных схем восточноиранского эллинизма // ВДИ. 1996. № 4.

³ См. о них: Schippmann K. Die iranische Feuerheiligtümer. В.- N.Y., 1971; Stronach D. On the Evolution of the Early Iranian Fire Temples // Acta Iranica. 1985. 25; Пичикян И.Р. Композиция храма Окса в контексте архитектурных сопоставлений // Информ. бюлл. МАИЦКА. М., 1987. Вып. 12.

⁴ Mariani L. The Operation Carried out by the Italian Restoration Mission in Sistan 1975–1976 Campaign. Roma, 1977. P. 36–37; Scerrato U. Evidence on Religious Life at Dahan-i Gulaman, Sistan // South Asian Archeology 1977. V. II. Napoli, 1979. P. 713, 730.

⁵ Bernard P. Fouilles d’Ai Khanoum. T. I. P., 1973. P. 9. Tabl. 97; Veyve S. Le gymnase (Fouilles d’Ai Khanoum. T. VI). P., 1987. P. 8–13; Rapin C. Le trésorerie du palais hellénistique d’Ai Khanoum. L’apogée et la chute de royaume grec de Bactriane. P., 1992. P. 16.

⁶ О происхождении, эволюции и пропорциях баз этого типа см. Wesenberg B. Kapitelte und Basen. Beobachtungen zur Entstehung der griechischen Säulenformen. Düsseldorf, 1971.

⁷ Carter J.C. The Sculpture of the Sanctuary of Athena Polias at Priene. L., 1983.

⁸ Bingöl O. Das ionische Normalkapitell in hellenistischer und römischer Zeit in Kleinasien. Tübingen, 1980.

⁹ См., особенно, Ganzert J. Zur Entwicklung lesbyscher Kymationformen // JDAI. 1983. 98; Raumscheid F. Untersuchungen zur kleinasiatischen Bauornamentik des Hellenismus. Text, Katalog. Mainz, 1994.

не временем Александра Македонского, а началом III в. до н.э., т.е. временем ранних Селевкидов¹⁰.

Отсюда следует, что и сам храм был построен именно в это время, скорее всего тогда, когда со-правителем Селевка I на Востоке был его сын Антиох, т.е. в период между 293 и 281 гг. до н.э. Строительство такого крупного храма должно было потребовать мобилизации значительных человеческих и материальных ресурсов. Все это вполне согласуется с характером восточной деятельности Антиоха¹¹ и подкрепляется нумизматическими находками – в храме было найдено шесть монет Антиоха I¹².

На первый взгляд парадоксален состав вещевых находок из храма. Всего было найдено свыше 8 тысяч объектов, относящихся ко времени от VI в. до н.э. до III–IV в. н.э. В данной связи представляет интерес самая ранняя группа находок. Анализ показал, что эта серия находок относится к VI–IV вв. до н.э., причем среди них есть ахеменидские (включая провинциальные) и греческие произведения искусства и оружие. Таковы серебряная пластина с противостоящими пантерами, щит с эмблемой в виде трискелиона, ножны акинака из слоновой кости с изображением льва, держащего оленя, золотая пластина с бактрийцем, ведущим верблюда, изготовленная из слоновой кости рукоять махайры в виде головы грифона, навершие с головой теленка¹³ и др.

В хранилищах этого общebakтрийского святилища когда-то находилось большое количество предметов из золота и серебра, но практически все они отсутствуют. Где же они? И.Р. Пичикин и я высказали предположение, что предметы знаменитого Амударьинского клада¹⁴ когда-то составляли часть сокровищ храма Окса. Точное место находки его было неизвестно, однако изучение отчетов русских путешественников позволило Т.И. Зеймаль и Е.В. Зеймалю утверждать, что это произошло в местности Тахти-Кубад¹⁵ (в 5 км южнее цитадели городища Тахти-Сангин с его храмом Окса). Однако в 1962 г. храм Окса еще не был раскопан и его наличие не учитывалось.

В связи с этими раскопками я вновь пересмотрел русскую историографию вопроса второй половины XIX в., а также старинные карты, что позволило извлечь новые свидетельства. Известный английский ученый Д. Куртис издал новые и ранее не известные материалы из английских архивов, английской и индийской прессы¹⁶. Вся эта совокупность сообщений позволяет утверждать, что в 1876–1880 гг. (возможно, до

¹⁰ Bernard P. La temple du dieu Oxus à Takht-i Sangin en Bactriane: temple du feu ou pas? // *Studia Iranica*. 1994. 23/1. P. 82; Litvinsky B.A., Pichikian I.R. The Ionic Capital from the Temple of the Oxus (Northern Bactria) // *Iranica Antiqua*. 1998. XXXIII (с обоснованием точек зрения).

¹¹ Литвинский Б.А. Средняя Азия. Селевкидское время // История таджикского народа. Т. I. Древнейшая и древняя история / Под ред. Б.А. Литвинского и В.А. Ранова. Душанбе, 1998. С. 326–333.

¹² Zeimal E. Coins from the Excavations of Takht-i Sangin (1976–1991) // *Studies in Silk Road Coins and Culture. Papers in Honour of Ikuro Hirayama*. Kamakura, 1997. P. 91–92.

¹³ Литвинский Б.А., Пичикин И.Р. Ножны акинака из Бактрии // ВДИ. 1981. № 3; они же. Золотые пластины из храма Окса (Северная Бактрия) // ВДИ. 1992. № 3; они же. Ахеменидская рукоять, увенчанная головой грифона // ВДИ. 1993. № 4; Litvinsky B.A., Pichikian I.R. Panterae Antecedents. A Corinthian Motif in Bactria // *EW, N.S.* 1992. 42/1; *idem*. A Rhyton from Takht-i Sangin. // *Ancient Civilization from Scythia to Siberia*. V. 1/3. Leiden, 1994; *idem*. An Attic Shield with Triskelion from the Temple of the Oxus (A Discovery of an Archaic Emblem from Athens in Southern Bactria) // *Ibid.* V. 4/2. Leiden, 1997 и др.

¹⁴ Речь идет об Амударьинском кладе, или Кладе Окса, хранящемся в Британском музее; см. Dalton O.M. *Treasure of the Oxus*. 3rd ed. L., 1964; Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. Л., 1979. Сам термин «Амударьинский клад» вошел в науку после появления издания: Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. II. Древности скифо-сарматские. СПб., 1889. С. 129. Принадлежность к этому кладу предметов, найденных вблизи Кабула и попавших в Японию, пока никак не доказана.

¹⁵ Зеймаль Т.И., Зеймаль Е.В. Еще раз о месте находки Амударьинского клада // Изв. Отд. обществ. наук АН ТаджССР. Душанбе, 1962. Вып. 1 (28).

¹⁶ Curtis J. Franks and Oxus Treasure // *Franks A.W. Nineteenth Century Collecting and the British Museum* / Ed. Cavigill, J. Cherry. L., 1997.

1886 г.) где-то в районе слияния Вахша с Пянджем местными жителями была найдена большая коллекция золотых и серебряных вещей. Точное место находки определено быть не может. Предполагается следующая реконструкция происхождения Амударьинскогоклада. При приближении какого-то неприятеля, возможно кочевников, жрецы забрали из хранилищ золотые и серебряные предметы и монеты и тайно закопали их на берегу речной террасы (вблизи храма или же на каком-либо расстоянии от него – спор об этом в таком случае теряет смысл). Назад забрать вещи им было не суждено, а через две с лишним тысячи лет река подмыла берег и сокровища были собраны местными жителями.

Возникает и другой вопрос: почему храм был возведен именно в этой изолированной местности с ее достаточно суровыми природными условиями? П. Бернар отметил, что сооружение храма лежало в русле религиозной политики Селевка I и символически отражало роль ирригации в данной земледельческой провинции¹⁷.

Как мне представляется, вполне вероятно, что место для храма у слияния Вахша и Пянджа и образования Амударьи (древнего Окса), где соединялись важнейшие речные потоки Бактрии и как бы рождалась и распределялась вода, персонифицировавшаяся в образе божества воды и родственных божеств, было выбрано еще и потому, что здесь несомненно располагалось пока не найденное более раннее святилище, построенное еще в ахеменидское время и посвященное великой реке Окс. Многочисленность вотивов ахеменидского времени в хранилищах храма Окса, которые датируются эллинистическим временем, скорее всего указывает на то, что эта группа вотивов накапливалась в более раннем храме, ко времени сооружения храма Окса или пришедшем в запустение или не отражавшем запросы заказчиков и строителей нового храма.

Политическая история Бактрии ахеменидского и эллинистического периодов охватывает четыре столетия (конец VI–II в. до н.э.). Как показывает история, при всем различии этих двух эпох в политической и культурной жизни существовала нерасторжимая связь, преемственность и даже намеренное копирование ахеменидских традиций в наиболее важных направлениях, в частности, в самом монументальном из искусств – архитектуре.

Раскопки на Тахти-Сангине привели к открытию комплекса храма Окса, почти полному вскрытию его сооружений и частично – фортификации цитадели древнего города, обнаружению огромного фонда разнообразных археологических предметов, монет и памятников искусства, датирующихся временем от VI в. до н.э. до III в. н.э. Храм Окса, наряду с Ай-Ханум, является одним из двух наиболее важных и репрезентативных памятников эллинистической Бактрии, кардинально изменивших наши представления об ее археологии, архитектуре, искусстве, религии. Материалы раскопок позволяют внести новый элемент в комплекс концепций, связанных с бактрийско-эллинистическим взаимодействием и дальнейшими судьбами эллинистической культуры, ее ролью и влиянием в постэллинистическое время. Эта проблема имеет важное значение не только для Бактрии, но и для всей Центральной Азии и Индии. Она получила освещение в трудах многих зарубежных авторов, опубликованных в последнее время, причем их подходы весьма различны¹⁸.

Выше мы указывали, что в храме Окса передневносточная, особенно ахеменидская, архитектурная традиция прослеживается очень ярко. Это чрезвычайно важно в связи с дискутируемой в современной науке проблемой сущности селевкидского государства. П. Бриан сделал глубокий обзор современных тенденций в понимании этой проблемы. Одни историки, как он пишет, продолжают обращаться к идее колонизационной идеологии и практики. Вместе с тем высказываются сомнения в справедливости самого

¹⁷ Bernard P. *L'Asie Centrale et l'Empire séleucide // Topoi. Orient-Occident.* 1992. 4/2. P. 509.

¹⁸ См. Sherwin-White S., Kuhrt A. *From Samarkand to Sardis. A New Approach to the Seleucid Empire.* L., 1993 и статьи Э. Вилля, А. Курт и С. Шервин-Уайт, П. Бриана, Ж. Ле Ридера, П. Бернара, О. Бопераччи, А. Инверниции, П. Лериша, Б. Лионне, К. Рапэна, М. Исамеддинова, Ж.-Ф. Салля (*Topoi.* 1994. V. 4/2).

понятия «эллинизация Востока», и такой крупный исследователь как Э. Виль считает, что в настоящее время нет историка, который бы серьезно верил в идею глубокой эллинизации общества Ближнего Востока. В трудах других исследователей внимание сосредоточено на выявлении исходных корней непрерывавшихся локальных традиций и повсеместного континуитета экономических отношений. Сам П. Бриан и в этих, и в предыдущих работах¹⁹, указывает на тесные связи селевкидского государства и общества с ахеменидским, отмечая, что следует иметь в виду связи не только с Ахеменидами, но и с ассиро-вавилонскими и эламскими предшественниками. Заключая, П. Бриан приходит к осторожному выводу: «Представляется, что в эллинистический период грекомакедоняне просто добавили свои традиции к мультиэтнолингвистическому состоянию. Но мы не знаем, то ли они не хотели, то ли не были способны довести все это до единообразия, по крайней мере сплавить все это в нечто общее, центром чего были бы их собственные социокультурные ценности»²⁰. Раскопки Тахти-Сангина добавили новые сведения о реальном содержании этих сложнейших процессов, и мы надеемся вернуться к их анализу в последующих публикациях.

Чрезвычайно обширен репертуар находок, относящихся к эллинистическому периоду. Он включает целую серию произведений эллинистического искусства, привозных и изготовленных в Бактрии, причем в местной эллинистической скульптуре прослеживается влияние школы Лисиппа. Многочисленные находки ножен парадных греческих мечей открывают новые возможности в изучении греческого вооружения. Отдельные предметы материальной культуры, в частности изготовленные из слоновой кости ножки мебели с основанием в виде лапы льва, следуют греческим образцам. Уникален также набор звеньев костяных флейт, одна из которых была даже снабжена клапаном. Мы не можем здесь даже вкратце охарактеризовать эллинистические сокровища храма Окса; некоторые из них изданы, публикации других находятся в печати.

Великолепие этого крупного храма и богатство его сокровищ вызывают ассоциации с западноэллинистическими храмами, порождают гипотезы о наличии храмового хозяйства и не только религиозной, но и политической и экономической роли храма Окса. Материалы раскопок чрезвычайно важны и при обсуждении некоторых других общеисторических проблем. Сопоставление храма Окса с Ай-Ханум показывает их принципиальные отличия. Ай-Ханум – это греческий полис, имевший полисное управление, с преобладающим эллинским населением, которое говорило на греческом языке и почитало греческих богов. Число местных жителей – бактрийцев здесь было ограничено, и они, очевидно, были полностью эллинизированы. В архитектуре переплелись эллинские, древневосточные и бактрийские элементы. В Тахти-Сангине проживало в основном бактрийское население, исповедующее местную религию, но частично и греческое, несомненно говорившее на двух языках. Здесь в духовной и материальной сферах заметны внедрения эллинских элементов и греко-бактрийский синтез. В архитектуре храма Окса очень сильны передневосточные, особенно ахеменидские традиции, греческие же были выражены в каменных модификациях: алтарях и капителях колонн.

Культы и ритуалы эллинистической Бактрии только начинают изучаться. Проблема религиозных представлений и культов, связанных с храмом Окса, необычайно сложна. Наличие двух атешгахов, вероятно, указывает на культ бога воды и культ царского огня. У современных зороастрийцев в их храмах имеется лишь один постоянно действующий главный алтарь огня; по-видимому, в древности ситуация была иной. О конкретных формах этого культа можно судить по поздnezороастрийским сочинениям,

¹⁹ Briant P. Brigandage, dissidence et conquête en Asie achéménide et hellénistique // DHA. 1976. 2; *idem*. Colonisation hellénistique et populations indigènes, I-II // Klio. 1977. 60; 1982. 65; *idem*. The Seleucid Kingdom, the Achaemenid Empire and the History of the Near East in the First Millenium B.C. // Religion and Religions Practice in the Seleucid Kingdom. Aarhus, 1990.

²⁰ Briant. The Seleucid Kingdom... P. 40-41.

древним и средневековым источникам, религиозной практике современных зороастрийцев Ирана и Индии. Мы полагаем, что храм Окса был центральным или одним из центральных храмов огня целой области, и культ огня не был единственным культом храма. Но в храме на каком-то этапе были установлены и греческие алтари типично эллинистической формы и осуществлялось почитание и греческих божеств. Бактрийские культы и ритуалы таким образом мирно уживались с греческими. Сам факт такого радикального дуализма многозначителен.

Очевидно, в Бактрии существовало несколько зон эллинизации: зона компактного расселения эллинов в полисах и военных колониях, где вся культура была однотипна ай-ханумской, другая зона – ареалы тесных эллино-бактрийских этнокультурных и религиозных контактов. Здесь возможны две модели. Первая – включение в контекст инокультурной среды отдельных элементов эллинской культуры без их существенного переосмысления. В Бактрии достаточно широко распространились греческий язык и письменность²¹. Вторая модель связана с внутренней трансформацией (разного рода и степени) семантического содержания тех или иных образов, обычаев или обрядов. Один из вариантов этой модели – соотнесение инокультурного явления с изоморфным явлением в данной культуре и включение его в систему этой культуры в неизменном или незначительно измененном виде с тем же или гибридным содержанием (пример – мотив Атросока)²². И наконец, еще одна модель (зона), где в местную среду проникали только отдельные элементы эллинской материальной и духовной культуры. На территории Бактрии и примыкающих областей это были некоторые архитектурные детали (особенно каменные базы колонн, кровельная черепица), керамика и др. Речь идет не только об импорте, но о заимствовании и распространении форм и техники. Выработанные в зонах эллинистического влияния типы строительной техники и архитектуры, например, эллинистической центральноазиатской фортификации²³, сыграли важную роль в дальнейшей эволюции культуры Средней Азии. Эти процессы происходили не только в Бактрии, но с различными вариантами и в других областях Центральной Азии, в частности, как показали П. Бернар и К. Рапэн, также в Согдиане²⁴.

Конечно, границы соответствующих ареалов и хотя бы приблизительное число эллинов в них неизвестны. Как справедливо полагает А.Б. Босворт: «У нас нет сведений, как много городов было основано [Александром] в Бактрии и Согдиане, но их явно было много, а если добавить к ним местные гарнизоны и солдат в армиях территориальных сатрапов, то они представляли концентрацию европейских поселенцев, не имеющую параллелей где-либо еще в империи»²⁵.

Дальнейшее развитие культуры (в самом широком смысле) Центральной Азии по ряду важнейших направлений покоилось на местном эллинистическом или эллинизированном субстрате или сохраняло связанные с ним черты. Невозможно здесь даже просто перечислить все основные факты, назовем лишь некоторые. После падения Греко-Бактрийского царства греческий язык сравнительно скоро перестал быть распространенным; письменность на базе греческой, напротив, просуществовала еще несколько столетий – при кушанах и эфталитах, вплоть до VII в., а в свете последних открытий бактрийской письменности²⁶ теперь ясно, что в горных районах Бактрии и в

²¹ *Schnitt R.* Ex occidente lux. Griechen und griechische Sprache im hellenistischen Fernen Osten / Beiträge zur hellenistischen Literatur und ihre Reception in Rom / Hrsg. von Steinmetz. Stuttgart, 1990. S. 53.

²² *Литаинский Б.А., Виноградова Ю.Г., Пичикян И.Р.* Мотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // ВДИ. 1985. № 4.

²³ *Rapin C., Isameddinov M.* Fortifications hellénistiques de Samarkande (Samarkand-Afrasiab) // Topoi. Orient-Occident. 1994. 4/2.

²⁴ *Bernard P.* Maracanda-Afrasiab colonie grecque // La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo. Roma, 1996.

²⁵ *Bosworth A.B.* Conquest and Empire. The Reign of Alexander the Great. Camb., 1980. P. 248.

²⁶ *Симс-Вильямс Н.* Новые бактрийские документы // ВДИ. 1997. № 3.

других областях Центральной Азии сочинения, написанные греческим письмом, сохранились и до XI–XII вв. Ранний период развития исламской науки и философии с их мощным эллинистическим пластом связан с культурными процессами в Передней Азии. Так считалось до недавнего времени. Но после открытия философского текста в Ай-Ханум²⁷ стало ясно, что на территорию Центральной Азии попадали сочинения греческих философов, и нельзя исключить возможность, что в подлинниках или переводах они продолжали существовать многие столетия. Определенные линии преемственности прослеживаются и в области религии. Не только храм Окса, но и его греческие каменные алтари при юэчжийском завоевании и в кушанское время не были разрушены и, очевидно, использовались. В Средней Азии в кушанское и посткушанское время сохранялся обычай помещать «обол Харона» в рот покойника²⁸. Ряд персонажей и мотивов греческой мифологии вошел в иконографический репертуар кушанского и посткушанского времени. Образы Зевса, Гелиоса, Афины, Селены, Диоскуров, Геракла, Эротов и других персонажей²⁹, постепенно подвергаясь варваризации, долгое время сохранялись в среднеазиатском искусстве. В коропластике Согда V–VIII вв. встречаются реминисценции античной пластики³⁰, торевты Центральной Азии тогда же изготавливали чаши с иллюстрациями к трагедиям Эврипида, хотя, возможно, и не понимая их смысла, допускали искажения³¹, а в Согде (в Пенджикенте) сохранялись чисто эллинистические мотивы в декоративной отделке. Еще более существенно отмеченное всеми исследователями воздействие эллинистического искусства на становление бактрийско-кушанского и гандхарского искусства, на его стиль и иконографию.

Не менее велик эллинистический вклад, опосредованно вошедший в развитие древней и раннесредневековой архитектуры. От античных ордерных систем ведут свое начало ордерные системы кушанского и раннесредневекового времени³², претерпевая при этом принципиальные изменения и трансформацию. Это касается и самой колонны, и ее элементов. В последующих архитектурных сооружениях получили разнообразное развитие и применение такие архитектурные композиции, как четырехколонный зал в обводе коридоров и колонный айван, представленные в храме Окса. Многие виды материальной культуры, в частности керамика, обязаны своим обликом и техникой эллинистической эпохе.

Можно предполагать, что восточноэллинистические города повлияли на параллельно существовавшие местные и на дальнейшее развитие центральноазиатского урбанизма. Влияние шло во многих направлениях, начиная от фортификации, планировки, типов зданий, благоустройства до внутреннего строя города и городского самоуправления. Последнее подтверждает факт присутствия бактрийцев в городской администрации Ай-Ханум. Вероятно и предположение о взаимодействии между социальными и экономическими структурами греческого и бактрийского населения, образовавшими единый культурно-исторический греко-бактрийский феномен.

Произведения искусства из храма Окса в Тахти-Сангине и Ай-Ханум в полной мере дают представление не только о монументальном и прикладном искусстве, но и о культуре эллинистической Бактрии в целом. Стимулятором эллинизации искусства и культуры Бактрии после 329 г. до н.э. было: насильственное установление политической власти македонян, основание новых эллинистических полисов и крепостей, в

²⁷ Rapin C. Les textes littéraires grecs de la trésorerie d' Ai Khanoum // BCH. 1987. 111/1; Hadot P. Les textes littéraires Grecs de la trésorerie d' Ai Khanoum // Ibid.

²⁸ Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд. М., 1984. С. 150–160.

²⁹ См., в частности: Rosenfield J.M. The Dynastic Art of the Kushans. Berkeley – Los Angeles, 1967. P. 14–26; Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989. С. 46 сл.

³⁰ Мешкерис В.А. Эллинистические образы в коропластике Средней Азии // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978.

³¹ Маршак Б.И. Бактрийские чаши // Там же.

³² Воронина В.Л. Конструкции и художественный образ в архитектуре Востока. М., 1977.

архитектуре которых преобладали местные и восточные влияния. В эллинистическое время, в период вхождения Бактрии в государство Селевкидов, а затем расцвета самостоятельного Греко-Бактрийского государства, контакты с греческими городами Средиземноморья были регулярными. Они обеспечивались и последующими волнами колонизации, о чем свидетельствуют художественные школы, отразившие непосредственное влияние селевкидского искусства.

При подведении итогов обсуждения наиболее важных проблем культуры Бактрии ахеменидского периода следует подчеркнуть, что в настоящее время информация, полученная в результате археологических раскопок, сравнительно невелика. Зафиксирован лишь факт существования ахеменидских слоев, сами же города остаются неизученными из-за мощных последующих застроек. По-прежнему основными указаниями на существование бактрийских городов ахеменидского периода служат только письменные свидетельства античных авторов, но и они предельно ограничены. Эти источники сообщают о типологии городов, которая подтверждается археологическими исследованиями: большие столичные центры, малые города и приграничные городокрепости, наличие акрополя, дворца, храма в столицах верхних сатрапий. В целом эта структура, сложившаяся при Ахеменидах, была заимствована и развита Александром, однако царская власть уже опиралась на эллинскую полисную политическую организацию, обязательно требующую иных дополнительных архитектурных комплексов³³.

Монументальность храма Окса, исключительное совершенство его строительных конструкций, развитость строительных приемов, общий высокий стандарт строительства – яркое свидетельство высокого уровня древнебактрийской архитектуры, прошедшей, начиная с эпохи бронзы, длительный путь развития, взаимодействовавшей с архитектурными традициями древних народов Ближнего Востока и обогащенной опытом эллинистической архитектуры.

Для правильного понимания храма Окса он сопоставляется в архитектурном и археологическом контексте с храмами огня Суз, Кухи Хваджа и Персеполя как типологически наиболее близкими по архитектурной композиции и времени функционирования, так и принципиально иными храмами со статуей божества (Ай-Ханум, Дильберджин). Особое внимание уделено первой группе памятников. Как показало наше исследование, определяющей чертой для атрибуции этих храмов огня служат атешгахи на фасаде храма, а также наличие в пределах храмовой территории хранилищ священной золы.

Храм Окса является классическим образцом бактрийского храма огня. Воплощенные в нем композиционно-архитектурные принципы и идеи сыграли важную роль в дальнейшем развитии храмов огня и храмовой архитектуры в целом, как в Бактрии–Тохаристане, так и в Парфии, Хорезме, Согде и других областях Центральной Азии.

В этой статье я, к сожалению, вынужден был ограничиться лишь отдельными указаниями на некоторые памятники, ибо освещение всего этого материала, как и эволюции культа огня и характера храмовой жизни в Центральной Азии рубежа нашей эры – I тыс. н.э. выходит далеко за ее рамки и должно стать предметом другого исследования.

Образование архитектурного и художественного восточно-эллинистического койне на гигантской территории Востока способствовало развитию изобразительного искусства и последующему расцвету его локальных школ с их мощной местной (в данном случае ахеменидско-бактрийской) традицией. На этом этапе этнические, религиозные и культурные компоненты образовали неповторимый греко-бактрийский культурный феномен.

Из всего сказанного ясно, что воздействие эллинизма на центральноазиатское общество и его культуру, вопреки мнению П. Бриана и его сторонников, было многофакторным и достаточно глубоким. Отсюда вытекает более общий вывод: не только западноевропейская цивилизация выросла на фундаменте античности, но и основы цивилизации Центральной Азии включали мощные эллинистические устои.

³³ Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.

B.A. Litvinsky

The Bactrian temple of Oxos was discovered and unearthed in 1976–1999 by the South Tajikistan archaeological expedition of Tajikistan Academy of Sciences and the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (director of the expedition: B.A. Litvinsky, detachment head: I.R. Pichikyan).

Many complex and disputable problems were discussed during the analysis of the results (the co-authors of the excavation themselves sometimes had divergent opinions). Some Western scholars took part in the discussion. Of special importance were the observations made by P. Bernard.

Considering the question of the time when the temple was built, B.A. Litvinsky concludes that it was not at the time of Alexander the Great (as I.R. Pichikyan thought), but rather when Seleucus' son Antiochus was his co-ruler in the East, i.e. between 293 and 281 BC.

Analyzing possible relations of the Amu-Darya hoard and the Temple of Oxos, the author proposes the following historical reconstruction. Originally the objects and coins of the hoard were preserved in the temple. In view of approaching enemies (perhaps nomads) the priests buried the treasure by the riverside. After more than two thousand years the river washed away the bank and the hoard was found out. There is also a hypothesis that the temple was founded by the Seleucids in place of an old temple or near it, and its treasure was transferred to the Temple of Oxos. This could explain the abundance of objects from the Achaemenid period.

The problem of Achaemenid and Hellenistic traditions in the Temple of Oxos is also discussed. The idea of several hellenization areas with various extent of hellenization and Hellenistic-Bactrian synthesis is put forward. The last part of the article considers the role of Hellenistic culture and art in the development of post-Hellenistic Central Asia civilizations.

© 2000 г.

И.Н. Медведская

О СКИФСКОМ ВТОРЖЕНИИ В ПАЛЕСТИНУ

В рассказе Геродота о скифском вторжении в Палестину можно обнаружить отголоски трех событий VII в. до н.э.: существование некоей угрозы «с севера» для жителей Сирии и Палестины, осквернение палестинских храмов и экспансия Египта в Палестину. Эти события, сведения о которых дошли до Геродота разными путями, были им истолкованы в соответствии с его концепцией пребывания киммерийцев и скифов на древнем Востоке. Суть ее – в лидерстве скифов. По Геродоту, скифы, завоевав Мидию и распространив свое владычество по всей Азии, пошли на Египет. На пути туда, в Сирии Палестинской скифов встретил фараон Псамметих, уговоривший их не идти дальше. На обратном пути скифы разграбили святилище Афродиты Урании (Геродот. I. 105).

Роль скифов в политической жизни древнего Востока и их военную мощь преувеличил Геродот, а роль киммерийцев свел к минимуму. Подробно рассказывая о скифах, он лишь девять раз упоминает киммерийцев, причем в восьми случаях они представлены изгоями, их отовсюду изгоняют скифы или лидийский царь Алиатт. Один раз Геродот все же сообщает, что киммерийцы дошли до Ионии и захватили